

Евгений Шмидт (Смоленск)

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ПЛЕМЕН СМОЛЕНСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ И СМЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В VIII—X ВЕКАХ Н. Э.

Последняя четверть 1-го тыс. н. э. — время окончания великого переселения племен в лесной зоне Восточной Европы, время значительных социально-экономических изменений в жизни населения Верхнего Поднепровья и Подвинья, перехода к классовому обществу и становления Древнерусского государства, с включением в него земель кривичей в верховьях Днепра и на Западной Двине. В этот период возникают города и развиваются ремесло и торговля, происходят сложные этногенетические процессы, в результате чего постепенно сложилась древнерусская народность. Все это, в той или иной степени, нашло свое отражение в вещественных источниках, полученных в результате археологических исследований.

На рубеже VII и VIII вв. тушемлинская археологическая культура прекращает свое существование. Подверглись разрушению и сожжению укрепленные городища-убежища и святилища. Прекратилась жизнь на большинстве неукрепленных поселений (селищах). Какая-то часть населения, уцелевшая во время разгрома, ушла на север в леса, покинув территории, непосредственно прилегавшие к Днепру, Зап. Двине и их притокам. Только в отдельных местах на своих пепелищах осталось некоторое количество тушемлинского населения, которое не могло противостоять пришлому населению и сохранить свою культуру. В конечном счете они были ассимилированы новыми пришельцами и утратили свои этнокультурные особенности, но все-таки некоторые элементы их погребальной обрядности были восприняты новым населением и использовались при погребальной обрядности в VIII—X вв. Это отмечалось нами ранее (Шмидт, 1982, с. 98—103). В последующем при раскопках у пос. Колодня кургана № 15 обнаружено, что погребение 2 содержало погребальную урну, по форме близкую тушемлинской керамике (Енуков, 2003, с. 131, 134). Пока это единственный случай включения тушемлинской керамики в погребение VIII—IX вв., тогда как во всех других изученных курганных могильниках урны имеют форму, характерную для КСДК.

Население тушемлинской культуры, ушедшее на север, какое-то время сохраняло некоторые элементы своей материальной культуры, что прослежено по керамическому материалу. Однако, расселившись среди

другого инокультурного населения, они вынуждены были усвоить местные обычаи. Так, сохранив свою керамику тушемлинско-банцеровских типов они изменили свои погребальные обрядности и, перестав хоронить остатки кремации в грунтовых могильниках, стали помещать их в длинных курганах. Это отмечено для севера Беларуси в междуречье Зап. Двины с Ловатью и Великой. Здесь выделена особая культура ранних длинных курганов (Штыхов, 1992, с. 21—40; Археология..., 1999, с. 376—384), составляющая как бы начальный этап в развитии смоленско-полоцких длинных курганов. Нужно отметить, что культура ранних длинных курганов, выявленная на пограничье с территорией псковских длинных курганов и собственно смоленско-полоцких длинных курганов VIII—X вв., к последним прямого отношения не имеет. Формальный признак — длина курганов в данном случае ничего не объясняет. Культура ранних длинных курганов, расположенных на северной окраине Белоруссии, по своему характеру связана с древностями западных финнов (бляшки-скорлупки, пряжки и пр.). Из этих элементов не могла развиваться культура смоленско-полоцких длинных курганов, связанная с балтскими древностями и имевшая совсем другое происхождение.

Начиная с первой половины VIII в., когда носители культуры длинных курганов расселились на просторах Поднепровья и Подвинья, у них уже была сформировавшаяся материальная и духовная культура, в значительной степени, отраженная в археологических материалах. Основные материалы, характеризующие эту культуру, получены в результате раскопок курганных могильников. К настоящему времени наиболее ранние вещевые комплексы из погребений культуры смоленских длинных курганов (КСДК) суммарно могут датироваться первой половиной VIII в. Примером может служить погребение № 1 в кургане № 2 у д. Цурковка (Шмидт, 1958, с. 162—169). К ранним погребениям середины VIII в. отнесены комплексы вещей из курганов у д.д. Пнева Слобода и Арефино (Нефедов, 2000, с. 196).

Основу погребального обряда КСДК составляло трупосожжение, совершаемое иногда на месте сооружения кургана, но чаще всего — на стороне, за пределами возводимого кургана. Трупосожжение,

как определенный обряд, было характерно многим племенам УШ—Х вв. на восточно-европейской равнине. Однако, трупосожжение на стороне в какой-то степени выделяет КСДК, но самым важным отличием являются форма курганного сооружения и особенности размещения остатков кремации в курганной насыпи. На всех пространствах, лежавших южнее в Поднепровье и на смежных территориях западнее, заселенных славянами и другими группами населения, длинных курганов такого типа в VШ—Х вв. не возводили.

Особенности сооружения длинных курганов и размещения в них погребений рассматривались в археологической литературе. К началу 1960-х гг. нами была определена последовательность сооружения длинных курганов, а также предложена классификация погребений. По характеру погребений, месту и последовательности их размещения в курганной насыпи они были подразделены на 2 типа и 4 варианта (Шмидт, 1963, с. 100—103). В 1970-х гг. В. В. Седов для всех длинных курганов северной половины Восточной Европы предложил новую классификацию. Он разделил все курганы, входившие в курганные могильники VI—IX вв., в соответствии с их формой на 3 типа (длинные, четырехугольные, круглые), а все погребения подразделил на 11 типов (Седов, 1974, с. 18—19). В дальнейшем на основе уже существовавших классификаций В. В. Енуков создал более дифференцированную классификацию погребений, разделив их по месту расположения в кургане на 3 отдела, по характеру размещения на 6 типов и 20 вариантов (Енуков, 1990, с. 16—23). Наличие разных форм курганов и большое разнообразие в размещении погребений в курганных насыпях особо выделяет КСДК среди других погребальных древностей Поднепровья и Подвинья и является весьма характерным этническим признаком. Разные формы курганов в могильниках КСДК VШ—Х вв. и разнообразие способов размещения погребений в курганных насыпях можно рассматривать либо как явление, связанное с неоднородностью населения, обитавшего в общинах того времени, либо как результат изменений идеологических представлений и соответственно — незаконченность процесса формирования устойчивых форм погребальной обрядности.

Выделяет КСДК среди других синхронных культур Поднепровья вещевого комплекс, сопровождавший умершего в потусторонний мир. Набор вещей из погребений дает возможность восстановить этнографические особенности костюма и системы украшений и тем самым решать вопрос об этнической принадлежности погребенных.

Наиболее информативным является инвентарь женских погребений. Головной убор. Женщины носили на голове металлические ленточные венчики, состоявшие из 3—6 рядов бронзовых спиралек, диаметр которых — 9—10 мм (рис. 1: 2), нанизанных на бечёвки, и бронзовых плоских орнаментированных разъединительных пластин-обоймиц (рис. 1: 1, 5), которые удерживали ряды спиралей. Целиком сохранившихся венчиков этого типа в погребениях пока не обнаружено, так как при

трупосожжении обычно большая часть спиралек и обоймиц расплавилась и превратилась в оплавленные слитки или капли металла, а при сожжении на стороне, видимо, не все остатки кремации переносились на место захоронения. Однако, в некоторых курганах в женских погребениях обнаружены многочисленные спиральки и несколько обоймиц, позволяющие восстановить облик венчика (Цурковка, курган 2; Заозерье, курганы 48, 59). Часто к нижнему ряду спиралек такого ленточного венчика прикреплялись бронзовые проволочные биэсовидные подвески-держатели к которым в свою очередь на проволочных колечках подвешивались бронзовые орнаментированные трапециевидные привески (рис. 1: 9). В некоторых случаях, вместо биэсовидных подвесок-держателей, использовались бронзовые литые плоские трехдырчатые подвески-держатели (рис. 1: 21) с разнообразными привесками (Заозерье, курган 68) или колпачковидные подвески-держатели (рис. 1: 7) с тремя трапециевидными привесками (Арефино, курган 14). Иногда к венчику на бронзовых цепочках подвешивались небольшие плоские ромбовидные привески (Заозерье, курган 5). Отдельные элементы металлических венчиков, в частности: спиральки, разделительные пластины-обоймицы, подвески-держатели, привески разных типов и фрагменты цепочек входили в состав вещевого комплекса большинства женских погребений во всех могильниках КСДК Поднепровья и Подвинья. Это должно свидетельствовать также о единстве культуры.

Бронзовые спирали, трапециевидные привески и цепочки известны и в материалах других культур второй половины I-го тыс. н. э., но только в КСДК они являются обязательными элементами головного металлического венчика. Для всех остальных племен Верхнего и Среднего Поднепровья металлические венчики такого типа не характерны, и аналогии в собственно их древностях нам неизвестны. Головные металлические венчики широко использовались населением во второй половине I-го тыс. н. э. западнее — балтскими племенами в восточных областях современных Литвы и Латвии. Аналогии им имеются у древних литовцев (УДІ, с. 349, 352, рис. 267—270 и 359, 360). Совершенно такие же венчики широко представлены в латгальских древностях на территории Латвии (Нукшинский могильник, погребения №№ 20, 10, 4, таб. IV, рис. 1—3. Люцинский могильник, рис. 11, таб. VШ, рис. 18 и др. Латгалы, с. 23 и рис. на с. 24—26). Считается, что как венчики из одних спиралей, так и венчики из спиралей и разъединительных обоймиц, дополненные подвесками, были весьма характерны для литовских и латышских племен в IV—XII вв. (LAA. IV, с. 144). Возник этот тип головного убора у балтов раньше, чем сформировалась КСДК, и продолжал использоваться после X в., когда КСДК прекратила свое существование.

Дополнительно к головному венчику украшением головы были височные кольца. Носили их у висков по одному с каждой стороны. В женских погребениях КСДК найдены височные кольца трех типов. 1. Бронзовые с плоскими заходящими друг за друга концами,

имеющими на середине лицевой стороне продольный поясок и украшенные зигзагообразной гравировкой (рис. 1: 10). Они найдены целиком сохранившимися или в виде фрагментов в погребениях курганных могильников у деревень: Цурковка (Шмидт, 1958, рис. 3: 2, 11); Слобода (Спицын, 1906, с. 206, рис. 30); Хотынь (Чернягин, 1941, таб. VIII, рис. 17, 18); Слобода-Глушица (Шмидт, 1954, с. 149, рис. 68: 8); Заозерье (Шмидт, 1963, с. 62, рис. 10: 1, 2); Акатово (Шмидт, 1963а, с. 62, рис. 13: 11—13); Купники (Шмидт, 2005, с. 27, илл. 7: 11, 12); Колодня (Шмидт, 2005, с. 105, илл. 14: 3 и 18: 6). Височные кольца 1-го типа широко распространены на всей территории КСДК, при этом только в пределах Смоленской области они встречены в 26 погребениях. Найдены они в длинных курганах полоцко-витебского течения Зап. Двины (Ляўданскі, 1930, с. 194, таб. VI, рис. 36—39) и на территории Восточной Литвы и Латвии (Покровский, 1895, с. 183, рис. 56; Енуков, 1992, с. 53), где они встречаются вместе с гончарной глиняной посудой даже в XI в. 2. Височные кольца, у которых один конец плоский серпообразный, имеющий несколько (4—5) отверстий, к последним прикреплялись на колечках трапециевидные подвески (рис. 1: 11). В погребениях встречаются они сравнительно редко, найдено всего 5 экземпляров в курганных могильниках: Цурковка (Шмидт, 1958, рис. 3: 17); Арефино (Чернягин, 1941, таб. IV, рис. 17, 18); Шмидт, 2005, илл. 27: 25—27); Акатово (Шмидт, 1963а, с. 62, рис. 13). Точные аналогии височным кольцам типа 2 на других территориях нам неизвестны. Однако, типологически их можно сопоставлять с шейными гривнами, имевшими плоские концы с рядом отверстий и привесками. Такие гривны часто встречаются в Прибалтике после X в. (Люцинский могильник, таб. III, рис. 11. Нукшинский могильник, таб. I, рис. 2. УДЛ, 1958, рис. 380, 381). 3. Височные кольца, изготовленные из проволоки круглого сечения, один конец которых скручен в спиральный завиток наружу. Целиком сохранившееся височное кольцо такого типа было в погребении кургана № 5 в Заозерье, а фрагмент — в Слободе-Глушице, курган 11 (Шмидт, 1963б, рис. 3: 16). Височные кольца 3-го типа не выпадают из эволюционного ряда развития височных колец восточнобалтского региона.

Украшения шеи и груди. Предметы, украшавшие шею и грудь не были столь разнообразны. Это — стеклянные бусы, составлявшие вместе с бронзовыми спиральками и подвесками ожерелья, и бронзовые шейные гривны. Кроме того, одежда на груди скреплялась бронзовыми подковообразными фибулами. Бусы сравнительно многочисленны, но основная масса их оплавлена и утратила первоначальную форму или же вообще превратилась в слитки и капли стекла. Уцелевшие бусы по своим типам не очень разнообразны (рис. 1: 13). Преобладают бусы, изготовленные из стекла синего и желтого цвета. Редко встречаются бусы глазчатые (желто-зелено-красные или коричнево-красно-белые), их форма шаровидная, боченковидная, цилиндрическая. Синие бусы бывают сравнительно крупными, преимущественно 14-гранными, изготовленными из про-

зрачного стекла. Иногда они имеют голубой цвет. Желтые бусы не такие крупные, по форме зонные, двойные, тройные, но могут быть и очень мелкими в виде бисера. Редко встречаются двойные и тройные бусы с золотой фольгой или желтой краской между слоями стекла. Такого типа бусы характерны для большинства женских погребений и практически найдены во всех курганных могильниках КСДК. Бронзовые спиральки, включаемые вместе с бусами в ожерелья, по своим размерам были меньше, чем спирали для головных венчиков. Они имели диаметр 5,5—6,5 мм и изготовлялись из тонкой проволоки выпукло-плоского или треугольного сечения, видимо, в 8—13 оборотов (рис. 1: 3). В погребениях часто встречаются спиральки меньшего размера в 4—6 оборотов, были ли это законченные изделия или обломки крупных спиралей, установить не удалось. Фрагменты спиралей малого размера иногда встречались включенными в слитки стекла. Ожерелья, состоявшие из бус преимущественно синего и желтого цветов и включавшие бронзовые спиральки, являются весьма типичными для КСДК.

Совершенно точные аналогии наборам бус КСДК синего и желтого цветов с включениями бронзовых спиралек указать затруднительно. Однако, нужно отметить, что для балтских племен наиболее характерные расцветки бус, включаемых в ожерелья, были синие и желтые. Так, у древних литовцев такое сочетание встречается с III—IV вв. н. э., а крупные синие бусы были в моде до XIII века (УДЛ, 1958, рис. 115, 464). У латгалов бусы не являлись характерными украшениями, но в тех случаях, когда они были в погребениях, всегда ожерелья состояли преимущественно из синих и желтых бусин (Нукшинский могильник, с. 36). Бусы, найденные в смоленских длинных курганах, скорее всего, южного происхождения, и такие типы бус имели широкое распространение. Они обычны в древностях юго-востока Восточной Европы и, в частности, в погребениях салтовской культуры VIII—IX вв. (Деопик, 1961, с. 217, 229, 230).

Шейные гривны. Целиком сохранившихся шейных гривен в погребениях КСДК пока не найдено. Обломки, а особенно фрагменты замков гривен, встречены почти во всех изученных нами курганных группах у д.д. Цурковка, Слобода-Глушица, Колодня, Березинка, Купники, Заборье, Заозерье. Судя по фрагментам, большинство гривен имело округлое или 6—8-гранное сечение дрота, иногда украшенного насечками. Концы гривен имели седловидную или костылевидную форму (рис. 1: 14, 16), представляя собою замок. Подобные гривны были обычными украшениями у племен Прибалтики. Их считают характерными для латгалов (Нукшинский могильник, с. 35, таб. I, рис. 4, 7. Люцинский могильник, с. 24, рис. 4). Часто такие гривны встречаются и на территории Литвы (УДЛ, 1958, рис. 370, 371, 374). Гривны с седловидными и костылевидными замками, дрот которых обмотан тонкой бронзовой проволокой треугольного сечения (рис. 1: 15), встречаются в погребениях КСДК реже. В могильниках латгалов такие формы гривен считаются наиболее ранними и появляются

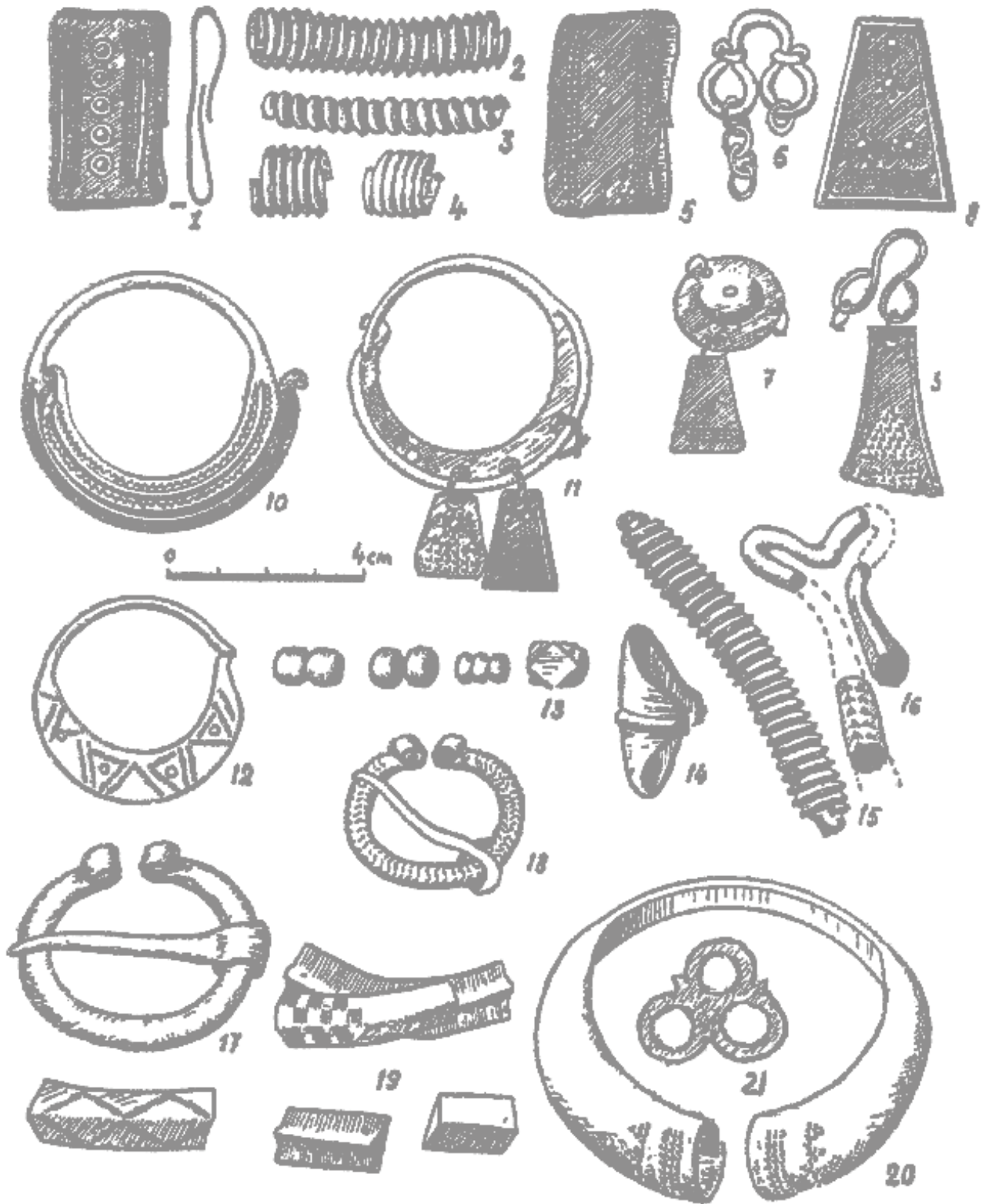

Рис. 1. Основные типы вещей из женских погребений

в VII веке (Нукшинский могильник, с. 27). Вообще же хронологический диапазон бытования гривен с подобными замками довольно широк и охватывает все время функционирования курганных могильников КСДК.

Фибулы. В длинных курганах встречаются небольшие бронзовые подковообразные фибулы, концы которых уплощены и закручены спирально (рис 1: 18). Дуга фибулы обычно имеет округлое сечение и с наружной стороны может быть гладкой или иногда орнаментирована насечками (рис. 1: 18). Сравнительно хорошо сохранившиеся фибулы обнаружены в погребениях в курганных могильниках у д. Цурковка, Хотынь, Лопино, Арефино, Купники. Аналогии подобным фибулам многочисленны в древностях как в Литве, так и в Латвии (Нукшинский могильник, с. 35, таб. VII. УДЛ, 1958, рис. 372, 423, 435). В Прибалтике они были широко распространены в VIII—X вв., хотя бытовали и позже в XI—XIII вв.

Украшения рук включают браслеты и перстни. Браслеты являлись одним из излюбленных видов украшений. В большинстве случаев встречены фрагменты от бронзовых спиральных браслетов в несколько оборотов (рис. 1: 19). Они изготовлены из дрота, имевшего плоско-выпуклое или уплощенно-треугольное сечение. Значительная часть браслетов этого типа орнаментирована либо наклонной, либо зигзагообразной гравировкой. Фрагменты таких браслетов обнаружены в погребениях курганных могильников у д. Акатово, Арефино, Березинка, Заозерье, Колодня, Купники и др. Аналогичные браслеты часто встречаются в древностях VIII—X веков на территории Литвы (УДЛ, с. 365, рис. 408, 409; LAA, с. 148, карта 56). Еще более широко они были распространены в Латгалии (Нукшинский могильник, таб. VI, рис. 2, 8, 11, 16; Люцинский могильник, с. 40, рис. 26 и таб. II, рис. 3). В этих балтских древностях есть точные аналогии не только по форме, но и по характеру орнаментации. Целиком сохранившийся бронзовый браслет иной формы (рис. 1: 20) найден в погребении № 1 кургана № 2 у д. Цурковка (Шмидт, 1958, рис. 3: 15). Середина браслета представляет собой узкую пластину, которая к концам расширяется и согнута конусообразно. На полых конусовидных концах по наружной части нанесен орнамент в виде ложной зерни (выпуклины выбиты с внутренней стороны). Браслеты подобные по форме, но с иной орнаментацией, известны из кладов в Среднем Поднепровье и в районе Киева, где они были зарыты в начале УШ века (Корзухина, 1955, с. 75 и 77, рис. 4, 5, 6). Аналогичные браслеты были распространены на территории Литвы в VIII—X вв. (LAA, с. 148, карта 55). Перстни, единично целиком сохранившиеся, но в большинстве случаев — в виде фрагментов, найдены в значительном числе женских погребений. Среди них можно выделить спиральные в 2—3 и более оборотов. Изготавливались они из бронзовой проволоки круглого, треугольного и других форм сечения. Встречаются также перстни усатые в 2,5—3 оборота (спиральные с пластинчатой серединой). Подобные перстни были широко распространены у латгалов (Нукшинский могильник, с. 39, таб. II: 15—25).

Вышеприведенным перечнем далеко не исчерпываются все разновидности женских украшений КСДК. Среди остатков кремаций найдены: бронзовые круглые орнаментированные бляшки, костяные птички, бронзовые бубенчики, пуговицеобразные подвески и некоторые другие предметы. Помимо украшений в женском погребальном инвентаре иногда присутствуют отдельные бытовые железные вещи: ножи, иглы, шилья. Все эти предметы из железа относятся к типам, весьма широко распространенным в Восточной Европе, а поэтому не могут быть определяющими при решении вопросов этнической принадлежности их владельцев.

Керамика. Основная масса глиняной посуды КСДК имеет горшковидную форму. Аналогии такой посуде можно найти среди отдельных форм сосудов из роменско-боршевских памятников, близких как по форме, так и по характеру орнаментации. Но они отличаются технологией изготовления и часто — использованием волнистого и линейного орнамента. Такой орнамент на лепной керамике КСДК вообще не отмечен. Совершенно аналогичная керамика бытовала в полоцком течении Зап. Двины, где она также связана с культурой длинных курганов (Ляўданскі, 1930, с. 105, таб. IV и V; Штыхаў, 1992, с. 61—62, мал. 34). Такая же керамика, как в длинных курганах (по форме, фактуре и составу теста), встречается в курганах с трупосождениями у д. Стакай, где она, видимо, восходит к X в., так как часть сосудов подправлена на гончарном кругу (ИЭМ, AR, 132, раскопки А.З. Тауавичюса). Керамика из восточных областей Литвы и Латвии, начиная со середины I-го тыс. н. э. имеет пропорции, близкие к керамике КСДК, но там она бытует до XI века, постепенно приобретая совершенно такие же формы, как и в Смоленских длинных курганах (Саленники, Айзкальне, Мазтраупе, Цирнава — фонды ИЭМ, №№ 64096, 8189, 33663 и др.; LAV, s. 350 353, pav. 261, 262).

Наличие в погребениях КСДК отдельных вещей, имеющих аналогии по своей форме или по характеру орнамента на отдаленных территориях, не определяет характера местной культуры и не решает вопроса об её этнической принадлежности. В комплексах вещей всех культур Смоленского Поднепровья и Подвинья, начиная с I-го тыс. до н. э. присутствовали артефакты, происходящие из более южных областей. Так, например, у днепро-двинских племен в V—Ш вв. до н. э. бытовали скифские вещи; у тушемлинских племен — вещи из Подунавья, в том числе, в гуннском стиле; в погребениях КСДК есть салтовские вещи и отдельные предметы позднеаварского стиля. Это не определяет этническую принадлежность жителей Смоленского Поднепровья и Подвинья. В лучшем случае эти инородные вещи могут свидетельствовать о торговых или культурных связях, или способствовать решению вопросов хронологии. При этом никто не считает, исходя из наличия единичных иноземных вещей, что местные племена берут свое начало от скифов, гуннов или других носителей вышеуказанных артефактов. Этническую принадлежность археологической культуры в той или иной степени может отражать основной набор вещей, характер-

ный только для этой культуры и многократно повторяющийся на памятниках по всей территории её распространения. Если же такой вещевой комплекс имеет аналогии на какой-либо другой территории, то вполне можно говорить об их культурной и этнической общности.

Рассмотренные нами археологические материалы из погребальных памятников VIII—IX вв. дают основание считать, что КСДК распространилась в Поднепровье и Подвинье в уже сложившемся виде. Носителей этой культуры — кривичей следует отнести к племенам, входившим в балтскую этнокультурную общность, из которой они и выделились в первой половине УШ века. В дальнейшем (конец IX—X вв.), видимо, по мере расселения славян на землях кривичей происходит угасание КСДК. В XI в. все население Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья, независимо от своей предшествующей культурной принадлежности, входит в круг общей древнерусской культуры, хотя и сохраняет некоторые незначительные свои особенности в виде пережитков. Конечно, археологические источники не могут прямо дать ответа о языке населения — носителей КСДК в УШ—X вв. Ответ на этот вопрос можно искать в письменных источниках и данных лингвистики.

Описывая этногеографию Поднепровья и смежных территорий в Повести временных лет (ПВЛ), летописец указывает, что из южных областей на Дунае «... славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами по речке, которая впадает в Двину и носит название Полота. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгород. А другие сели на Десне, и на Семи, и по Суле и назвались северянами. И так разшелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась «славянская» (ПВЛ, с. 207). Среди пришедших племен, владевших славянской грамотой, кривичи не названы. Если в летописи указано, что все славянские племена «пришли и сели», то о кривичах не сказано, что они «пришли», а указано «... кривичи, иже сядять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра, их же градъ есть Смоленскъ...» (ПВЛ. С. 13). Это дает основание предполагать, что к моменту расселения вышеуказанных славянских племен кривичи уже обитали в Поднепровье и Подвинье и только на западной окраине земель кривичей поселились славяне-полочане. Другое место в летописи как бы подтверждает это, указывая, что «первѣи насельници ... в Полотъски кривичи» (ПВЛ. С. 18), а не пришедшие славяне-полочане или варяги. Еще в одном отношении летопись ставит кривичей в особое положение. У всех пришедших племен вскоре возникли княжения, в том числе, и у полочан, а о кривичах с их городом Смоленском этого не сказано (ПВЛ, с. 13). Вопрос о происхождении кривичей в летописи не рассматривался. Однако в переводе текста летописи, сделанным Д. С. Лихачевым (с. 206—295), сказано: «...полочане. От этих последних

произошли кривичи...» и далее «кривичи, от них же происходят северяне» (ПВЛ, 209). Нет достаточного основания согласиться с такой трактовкой самого текста летописи, в которой сказано: «...полочане. От них же кривичи, иже сядять на верхъ...» и далее «кривичи. Таже северь от нихъ.» (ПВЛ, с. 13). Летописец, судя по тексту, придерживался строго определенной последовательности при описании расселения славян и возникновения у них княжений. За основу был взят географический принцип: описание начиналось с юга от земли полян и продолжалось к северу по правобережью Днепра, а далее, перейдя Двину, к озеру Ильмень и затем, снова возвращалось в Поднепровье на реку Десну. Принятая в летописи последовательность описания размещения славянских племен дает основание рассматривать эту часть текста так: «...полочане. От них же кривичи, иже сядять...» не как указание на происхождение кривичей от полочан, а как определение их места проживания по соседству с полочанами. Следовательно, с нашей точки зрения, эту часть летописи, относящуюся к кривичам, можно понимать так: «княжение ... другое на Полоте, где полочане. От них (далее находятся) кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город — Смоленск». То же самое приложимо и к упоминанию северян (ПВЛ, с. 13), где также речь идет не о происхождении северян, а о месте их обитания в Поднепровье по отношению к территории кривичей.

В летописи определяется также и этническая принадлежность древних племен. В недатированной части летописи, в которой рассматриваются события, происходившие до 852 года, летописец при перечислении племен, которые «пришли и сели» определяет их языковую принадлежность: «И тако разидеся словенский языкъ, тем же и грамота прозвася словенская» (ПВЛ, с. 11). Однако, среди всех «пришедших» славянских племен кривичи не названы и соответственно не отнесены к племенам, говорившим на славянских языках. В другом месте текста летописи летописец перечисляет племена, у которых возникли княжения, и другие группы населения, среди которых кривичи упомянуты. Здесь же он говорит о языковой принадлежности разных групп населения: «Се бо такмо словенскъ язык в Руси: поляне, древляне, ноугородьцы, полочане, дреговичи, северь...» (ПВЛ, с. 13). Но кривичей в их числе нет. В летописи перечисляются также племена, говорившие не на славянских языках: «А се суть инни языци, ...: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь: си суть свой язык имуще...» (ПВЛ, с. 13). В этот перечень племен, говоривших на других, своих языках, кривичи тоже не включены. Можно полагать, это — не случайное упущение летописца. Он, судя по тексту летописи, был хорошо осведомлен о кривичах и не только знал, где они обитали и какие у них обычаи были, но и упоминал их при описании многих событий под 859, 862, 882, 907, 944, 980, 988 годами. Они были составной частью войск Олега, Игоря и Владимира и принимали участие в дальних походах вместе с славянами и варягами. Летописец,

видимо, сознательно не причислил кривичей к какому-либо из вышеназванных иных языков.

Можно полагать, что задолго до середины IX века, когда шло расселение славянских племен в Поднепровье и Подвинье, в то время кривичи имели свой язык, заметно отличавшийся от языка славян, перечисленных в летописи. При совместном проживании с славянами-полочанами в Подвинье и другими славянами в смоленском Поднепровье после 882 года, когда Олег ... «приде къ Смоленску ... и прия градъ, и посади мужъ свои.» (ПВЛ, с. 20) язык кривичей начал меняться — происходила их славянизация. Это был процесс медленный и еще до конца X века у кривичей сохранялись некоторые особенности своего языка, что отличало их, в представлении летописца, от полян, древлян, дреговичей и других славян. В связи с этим нужно отметить, что в летописи нет сведений о том, какие племена жили в северной части Верхнего Поднепровья и Подвинья, и на чьих землях расселились пришедшие славяне. Летописец не мог этого знать, так как, видимо, в народной памяти к XII веку уже не сохранились предания о «первви насельници» VII—VIII вв., и на территории каких племен с «инни языци» расселялись славяне.

Таким образом, письменные источники очерчивают территорию, на которой обитали кривичи, в том числе, Смоленское Поднепровье и Полоцко-Витебское Подвинье, что совпадает по археологическим данным с территорией распространения культуры смоленско-полоцких длинных курганов VIII—X вв. Летописи дают основание предполагать, что славянские племена (полочане и др.) расселялись на землях, уже освоенных кривичами. Из текста летописи следует, что кривичи имели самобытную культуру и свой язык, который летописец не мог отнести ни к славянским, ни к каким-либо другим языкам, и тем самым они отличались от славян.

Особого рода источниками, помогающими решению вопроса этнической атрибуции племен КСДК, являются данные языкознания. Детальный анализ топонимов, проделанный лингвистами при изучении гидронимов Верхнего Поднепровья, дал им полное основание сделать выводы, что «... территория Верхнего Поднепровья в I тыс. — первых веках II тыс. н. э. была заселена племенами балтийского происхождения ... что балтийское население Верхнего Поднепровья в основной своей массе не отступило к северо-западу в условиях распространения славян на этой территории и было постепенно ассимилировано последними» (Топоров, Трубачев, 1962, с. 236). О том, что эти процессы происходили после эпохи Великого переселения народов, подтверждают исследования в другой области языкознания. Исследователи русского языка пришли к выводу, что выделение восточных славян из славянской общности происходило в VIII и последующих веках, когда и произошло образование языка восточного славянства (Филин, 1962, с. 291).

Приведенные в данной статье вещественные археологические, письменные и лингвистические данные о кривичах КСДК VIII—X вв. позволяют сделать некото-

рые предварительные выводы. Культура КСДК сложилась за пределами Смоленского Поднепровья и Подвинья, и только в первой половине VIII века она распространилась в верховьях Днепра и на смежных территориях Подвинья в уже окончательно оформившемся виде. По характеру вещевого комплекса и обрядам погребения в VIII—IX вв. она самобытна и входит в круг балтских древностей и не имеет аналогий среди славянских культурных древностей Верхнего и Среднего Поднепровья. В X веке КСДК постепенно изживается, так как происходит ее изменение под воздействием ранее расселившихся славян (полочан и, вероятно, других групп в Смоленском Поднепровье), т. е. происходила ассимиляция кривичей КСДК славянами. Хотя в X в. кривичи КСДК еще выступают как реальная значительная общность. После середины X века у населения Смоленского Поднепровья и Подвинья, сложившегося вследствие сложных этногенетических процессов, завершается славянизация кривичей, и формируется новая культура, входящая в круг славянских древностей, характерных для эпохи Древнерусского государства. Этноним кривичи распространяется на все группы населения бывшей территории КСДК, независимо от их этнического происхождения и предшествующей материальной культуры, и сохраняется на страницах летописи еще некоторое время.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологія Беларусі. Т. 2. Мн., 1999.
- Деотик В. Б., 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. // СА. № 3. С. 217, 220, 230.
- Енуков В. В., 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим данным). М., 1990.
- Енуков В. В., 2003. Курганы у поселка Колодня на Днепре // РА. № 3. С. 123—135.
- Корзухина Г. Ф., 1955. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. // СА. Т. XXII. М. С. 61—82. Латгалы. Рига, 1999.
- Люцинский могильник // МАР. № 14. Древности северо-западного края Т. 1. Вып. 2. СПб. 1893.
- Ляўданскі А. Н., 1930. Археолёгічныя досьледы у Полацкай акрузе // Працы археолёгічнай камісіі. Т. II. Мн. С. 157—198.
- Нефедов В. С., 2000. О времени возникновения культуры смоленских длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара 1996—1999. Псков. С. 191—199.
- Нукшинский могильник // Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. Рига, 1957.
- Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950 (сокр. ПВЛ).
- Покровский Ф. В., 1985. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии // Труды IX археологического съезда в Вильне. 1983. Т. 1. М.
- Седов В. В., 1960. Кривичи // СА. 1960. № 1. С. 47—62.
- Седов В. В., 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.
- Седов В. В., 1974. Длинные курганы кривичей. М.
- Седов В. В., 1982. Восточные славяне в У1—XIII вв. М.
- Седов В. В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.

- Стицын А. А., 1906.* Отчет о раскопках, произведенных в 1905 году И. С. Абрамовым в Смоленской губернии // Записки отд. русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. VIII. Вып. I. СПб. С. 206, рис. 36.
- Третьяков П. Н., 1970.* У истоков древнерусской народности. Л.
- Украшения древних литовцев (сокр. УДЛ). Книга I. Вильнюс, 1958.
- Филин Ф. П., 1962.* Образование языка восточных славян. М.-Л.
- Чернягин Н. Н., 1941.* Длинные курганы и сопки // МИА. № 6.
- Шмидт Е. А., 1954.* Раскопки длинных курганов в Смоленской области // КСИИМК, вып. 54. С. 147—152.
- Шмидт Е. А., 1958.* Длинные курганы у дер. Цурковка в Смоленском районе // СА. № 3. С. 162—169.
- Шмидт Е. А., 1963.* Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н. э. на территории Смоленской области // МИСО. С. 85—128.
- Шмидт Е. А., 1963a.* Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тыс. н. э. // МИА. № 108. Славяне накануне образования Киевской Руси. М. С. 51—67.
- Шмидт Е. А., 1963б.* Длинные курганы у д. Слобода-Глушица // Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.-Л. 1963б. С. 177—192.
- Шмидт Е. А., 1970.* К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов // МИСО. Вып. VII. С. 219—235.
- Шмидт Е. А., 1982.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. I. М. С. 98—103.
- Шмидт Е. А., 2005.* Смоленские древности. Вып. IV. Курганные могильники VIII—X веков центральной части Смоленского Поднепровья. Смоленск.
- Штыхаў Г. В., 1992.* Крывічы. Мн.
- Lietuvos TSR archeologijos atlasas. IV. Vilnius, 1978 (сокр. LAA).
- Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961 (сокр. LAB).

Eugene Shmidt

THE PECULIARITIES OF ETHNO-CULTURAL DEVELOPMENT OF THE TRIBES OF SMOLENSK DNEIPER REGION AND BORDERING TERRITORIES IN VIII—X AD

Summary

On the turn of VII and VIII centuries the Tushemlia culture ceases to exist. Part of this culture's population went to the North and merged into the environment of

Pskov Long Barrows culture, where the local group of early long barrows was formed. By the middle VIII century tribes with mature Smolensk Long Barrows culture (SLBC) settle in Dnieper and Dzvina regions and assimilate the rest of Tushemlia population. SLBC is characterized by special funeral rites, whose major element is cremation usually carried out outside the barrow, and by a peculiar way of burials' allocation in the barrow. The burial inventory in SLBC burials is quite distinctive. The most informative is female burials' goods of VIII — IX centuries comprising metal jewelry. The head covering included head bands either of stripe-type consisting of bronze spirals and segregating plates (fig. 1: 1, 2, 5) or plait-type — made only of spirals (fig. 1: 4). Pendants were hung on head bands (fig. 1: 6 — 9, 21). Besides, head coverings comprised flat bronze hair-rings of two types (fig. 1: 10 — 12). Neck and chest were decorated with neck-rings with crutch- and saddle-shaped ends (fig. 1: 14 — 16) and a necklace made of yellow and blue glass beads of different types (fig. 1: 13) or a necklace made of the same kind of beads and bronze spirals (fig. 1: 3, 13). Horseshoe-fibulas were used to fasten clothes (fig. 1: 17, 18). On their hands women bore spiral bronze bracelets wrapped around several times (their fragments — see fig. 1: 19) or bracelets with hollow tubular ends (fig. 1: 20). Such a jewelry set has complete analogies in the Balts' antiquities (the Latgallians and other groups of Lithuanian and Latvian tribes), but it is not at all characteristic of Slavic antiquities of VIII — IX centuries. SLBC correlates with the chronicle Kryviches, but there are no grounds by which one could attribute them to the Slavs of VIII — IX centuries by the character of material culture.

In the period of Slavs' settling in the Dnieper region and formation of the state of Ancient Rus the chronicles do not present the Kryviches as a tribe speaking Slavic languages. Evidently, in VIII — IX the Kryviches — the bearers of SLBC — had their own language, different from the Polyans', Severians', Drevlians' and other Slav's languages. After inclusion of the Kryviches into Ancient Rus state, a rapid process of their slavonization took place. By XII century their culture had changed and they became part of Ancient Russian people. The character of the Kryviches' ethno-cultural development is proved by toponymy and linguistic studies.